

ИСАМВКЕН ТНТ ЕТЕГЛТЕКІОО

THE

КОПЕРНИК-9

ВЕАСЛУРАБГТ

Максим Орлов

Коперник-9

Максим Орлов

Коперник-9

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Коперник-9 / М. В. Орлов — «Автор», 2026

«Медведь» был девятым. Ковчег рухнул на Тею и стал горой — коконом, где человечество выживало полтора века. Здесь мутировали, забыли Землю и научились слышать голос планеты. Но Земля не забыла их. Когда с орбиты приходит крейсер, чтобы изъять технологии и стереть «ошибку эволюции», война неизбежна. Техник-калека Илья Северов слился с машиной через нейрошунт. Анна Кречетова, «королева пепла», готова жертвовать своими, чтобы не отдать врагу ни чипа. Даниил Ростов, варлорд берсеркеров, ведёт зверей в бой, чтобы показать империи цену высокомерия. В недрах планеты просыпается гибрид металла и спор — сила, не служащая ни людям, ни машинам. «Коперник-9» — жёсткая НФ о выживании на пределе, где эволюция не спрашивает разрешения, а дом становится оружием. Первая книга цикла о колонистах, возвращающихся, чтобы напомнить Земле: она сама создала своих палачей. Впереди — звёзды. Позади — пепел. Их уже ждут.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О программе "Коперник"	5
ПРОЛОГ. КОПЕРНИК-9	6
Глава 1. Гидравлика мертвых богов	7
Глава 2. Анатомия тишины	11
Глава 3. Архитектура боли	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Максим Орлов

Коперник-9

О программе "Коперник"

Программа «Коперник» начиналась как надежда. Десять транспортов-ковчегов, каждый с сотней тысяч колонистов в криосне, отправились к десяти разным планетам — последняя попытка человечества распространиться за пределы Солнечной системы. Первые восемь кораблей исчезли без следа: либо их поглотила пустота, либо они нашли свои миры и замолчали навсегда.

«Медведь» был девятым. Его целью стала планета Тея — мир с атмосферой, пригодной для дыхания после минимальной терраформации, с водой и органикой в грунте. Но «Високосный удар» — так потом назовут катастрофу — перечеркнул все расчёты. Нос транспорта ушёл в базальт на двести метров, реактор повредило, система навигации умерла. Связи с Землёй не было. И не будет.

Десятый ковчег так и не стартовал. Программа «Коперник» была свёрнута как экономически нецелесообразная. Земля решила, что колонизация — слишком дорогое удовольствие для эпохи голода и войн. Девять исчезнувших кораблей списали, как старую мебель. «Медведь» забыли.

А он выжил. И люди внутри него — тоже.

ПРОЛОГ. КОПЕРНИК-9

Високосный удар вогнал нос транспорта «Медведь» в базальт плато на двести метров глубже расчётного. Протокол аварийной посадки не был рассчитан на углеродную органику — его создавали для ледяных лун Юпитера. Но когда главный реактор пошёл вразнос, у капитана остался только один вариант: гравитационное всплытие.

Выдвижные плавники раскалились до вишнёвого свечения, испаряя верхние слои атмосферы Теи. На высоте пятисот метров отстрелили маневровые дюзы. Направленные взрывы спрессовали воздух под брюхом транспорта в плотную подушку, но инерция многотысячетонной махины была слишком велика.

Из днища вырвались двенадцать титановых гарпунов-якорей. Они прошли литосферную плиту и ушли в мантию. В момент остановки сработали электромагнитные замки, намертво приварившие корпус к собственным же якорям.

«Медведь» умер как корабль в ту секунду. Он стал горой. Горой, внутри которой билось железное сердце холодного синтеза, перегревая скальные породы вокруг себя.

Прошло 150 лет.

На орбите Теи, в стерильной белизне медицинского отсека крейсера «Авангард», доктор Арис Торн смотрел на голографическую проекцию биопроб, взятых с орбиты. Споры Теи в вакуумной камере не умирали — они ждали. Он провёл пальцем по сенсору, увеличивая изображение, и на миг ему показалось, что каждая частица смотрит на него в ответ.

«Интересно, — прошептал он, — если ввести это в нейросеть синтетика, что произойдёт?»

Ответа он не знал, но уже через несколько часов станет этим ответом. Он отложил планшет и посмотрел на ряд неподвижных Химер в криокапсулах — они казались спящими хищниками, и один из них, крайний, слегка шевельнул пальцами. Торн списал это на вибрацию двигателей.

Он ошибался.

ЧАСТЬ I. КОВЧЕГ

Глава 1. Гидравлика мертвых богов

І. Фантомная боль (Илья Северов)

Илья закрыл глаза и сразу оказался внутри «Гранита». За трёхсантиметровым бронеплексигласом лежало его настоящее тело — беспомощное, пристёгнутое к каталке. В машину его вела тонкая оптоволоконная нить — нейрошунт, вживлённый в затылок ещё в детстве, после того как Споры Теи чуть не сожгли ему лёгкие.

Он чувствовал гидравлику андроида как собственные ноги, слышал тепловизор как нёбо. Без этого провода Илья был просто калекой с пересохшей гортанью, немой, который мог только хрипеть. С ним — богом ржавых труб и текущих магистралей.

«Гранит» стоял на карнизе ремонтного дока у края Разлома-Один. Отсюда открывался вид на бездну, где в фиолетовом тумане спор ворочался Матриарх. Илья работал здесь десять лет и привык к этому пейзажу. Но запах гниющих водорослей всегда возвращал его к тому дню, когда отец снял маску, чтобы дать сыну глоток воздуха.

Тридцать два года. Селективная немота — при стрессе гортань сжималась так, что крик превращался в беззвучное разевание рта. Поэтому Илья предпочитал общаться с машинами. У них не было ожиданий, и они не требовали слов.

— Потеря охладителя левого плечевого шарнира, — ровно сообщил бортовой компьютер. — Рекомендую прекратить нагрузку на сервопривод. Вероятность заклинивания — семьдесят четыре процента.

«Сам знаю», — подумал Илья, перенося вес на правую ногу. Левая висела плетью, вращение плеча ограничено двадцатью градусами.

Они находились снаружи корпуса «Медведя», на узком карнизе над пропастью. Термоклапан внешней магистрали номер четырнадцать заклинило три дня назад. Если избыточное тепло из кормового реактора не уйдёт в камень, «Медведь» вскипятит себя изнутри за семьдесят два часа. Нижние палубы сварят заживо около тысячи Пустых.

Манипулятор выдвинул плазменный резак. Голубая вспышка ударила в край деформированного люка. Брызги металла остывали на лету, превращаясь в чёрные снежинки. Споры Теи оседали на плече липким налётом — каждая частица была кремний-органическим ретровирусом, готовым переписать ДНК любого, чья иммунная система даст слабину.

Внезапно «Гранит» дёрнулся — сработал рефлекторный протокол уклонения. Машина отшатнулась, впечатав оператора спиной в стену дока. Снизу, цепляясь за выступы, поднималась Ищейка — результат полутора веков эволюции. Её задние конечности были вдвое длиннее передних, слепые глаза заросли бронированными веками. Она не бежала — она текла вдоль стены, стирая трение.

[ВОСПОМИНАНИЕ]

Резина противогаза пахнет табаком и чужим потом. Ему пять лет. Отец тащит его на спине через искорёженную обшивку сектора Гамма. В ушах — монотонный гул: Споры бьются о мембрану шлема. Фильтр забит. Илья открывает рот, чтобы закричать, но лёгкие отказываются работать. Отец падает на колени, срывает маску и прижимает клапан ко рту сына. Ледяной воздух обжигает гортань. Илья захлёбывается, чувствуя вкус чужой слюны, табака и смерти. Он слышит хриплый вдох человека, который сжигает свои лёгкие ради того, чтобы сын сделал следующий.

Илья перехватил управление. Удар манипулятором — хруст хитина, череп Ищейки лопнул, разбрызгивая жёлтую лимфу. Тварь рухнула вниз, распадаясь в пыль.

«Просто ветер», — соврал он себе, вытирая вспотевший лоб.

Он вернулся к люку. Синий луч снова вонзился в металл. Илья перевёл «Гранита» в режим жёсткой кинематики, управляя приводами мышцами собственных рук. Каждое движение отзывалось болью в костях.

Наконец гидравлический компенсатор встал на место. Магнитные замки с лязгом вошли в пазы. Илья активировал насос. Струя жидкого азота ударила в трубу — пар схлопнулся, превращаясь в иней на стенках. Красное пятно на термальной карте Анны, которое она назвала «предсмертным пульсом магистрали», начало остывать: оранжевый, жёлтый, зелёный.

Красное пятно погасло. Спасены. На этот раз.

В доке с грохотом встала платформа-лифт. Техник-связист Боря спрыгнул на решётчатый пол, хромая. Щека рассечена, из аугментации челюсти сыпались голубые искры.

— Северов? — Боря кашлял, давясь пылью. — Кречетова спустила собак. Платформа подбита, я еле ушёл. Наверху творится ад!

Илья открыл кабину, выбрался наружу. Без гидравлики ноги подогнулись — он прислонился к холодному боку андроида.

— Что случилось?

— Термобарические заряды! Группа «Браво-три» пошла по восточному стволу. Жгут всё подряд. Капсулы падают каждые тридцать секунд! Частоты глушат с орбиты!

Илья поднял голову. Сквозь проломы в куполе он увидел небо — на фоне багровых облаков висела серебряная игла крейсера «Авангард». От неё исходило ощущение стерильной, математической неизбежности.

— Где платформа упала?

— В трёх секторах от тебя! Восточный ствол! Перекрыла выход!

— Там есть ручной привод шлюза? Лебёдка старого образца?

— Да, вся левая сторона ручная! Зачем тебе?

— Скажи Анне... — Илья начал бить локтем по бедру, пытаясь активировать аварийный сброс захватов скафандра. — Я иду к лебёдкам. Поднимусь по внешней обшивке. Буду у клапана через час или когда умру. Пусть держит периметр. Мы не сдадим небо.

II. Анатомия контроля (Анна Кречетова)

В Ядре, на сорок уровней выше, стояла Анна Кречетова. Сорок восемь лет. Дочь старшего офицера связи «Медведя». Родилась уже на планете, но воспитана на голо-дневниках Земли. Никогда не видела синего неба — для неё нормальным цветом горизонта был лиловый туман, пахнувший грозой и озоном.

Температура в Ядре держалась на уровне семидесяти градусов. Её личный рой «Муравьёв» жил под кожей спины, работая как внешняя выделительная система. Тысячи шестиугольников синхронно сжимались, прогоняя кровь через дополнительные фильтры печени.

Перед ней висела термальная карта. Красное пятно ползло от нижних палуб вверх. Плюс девяносто — и растёт. Фермы секции «Д» уже выдавали предупреждение о денатурации белка в хлорелле.

— Докладывай, Север, — прохрипел интерком.

Белый шум. Канал молчал.

— Илья! — рывкнула она, ударив кулаком по консоли. Тремор рук усилился — пальцы дрожали так, что она едва попадала по сенсорам.

Если клапан не откроется, Инженерный корпус потеряет три жилых сектора и гидропонные фермы. Голод сделает то, чего не сделали мутанты, — заставит людей жрать друг друга.

На соседнем экране мигнул входящий сигнал. Корпорация «Гелиос». Командор Эван Ланской — чистое, гладкое лицо третьего поколения флотских офицеров. Человек, который проводит половину жизни в криокамере, чтобы старость не догнала его целиком.

— Кречетова, — начал он без приветствия. — Ваши показатели тепловыделения нарушают договорённость о демаркации зон. Мы вынуждены поднять орбиту «зонтика», чтобы не сварить вашу кормовую часть. Вы теряете связь? Это побочный эффект СВЧ-поля. Смиритесь.

— Мой техник внизу, — выдавила Анна, массируя шею. — Присылайте координаты точки сброса. Мои «Комары» спустятся на тросах и заберут деталь.

Она закрыла глаза. Вспомнила белизну стен академии из учебников. Там решения принимались алгоритмами. Здесь каждое решение стоило литров крови.

— У меня сто тысяч человек, Ланской. Холодный синтез держит ваш флот в небе без расхода антиматерии. Ещё одно слово про дикарей — и мы перекроем подачу энергии на ваши щиты. Посмотрим, как долго продержится «Авангард» в гравитационном колодце Теи.

Связь оборвалась. Моргнул индикатор блокировки частоты.

Она посмотрела на руки. Под тонкой кожей предплечий шевелился чёрный узор — «Муравьи» переваривали споры, расщепляя нейротоксины. Без ежесуточной очистки этот дар превратит её в кусок пульсирующего мяса за неделю.

Очередной приступ тремора скрутил пальцы. Илья уже шёл по внешней обшивке, и Анна это знала. Она развернула схему восточного ствола. На уровне 23 мигала точка ручной лебёдки.

— Держи периметр, — прошептала она. — Просто доберись до клапана. Остальное я возьму на себя.

III. Наследие зверя (Даниил Ростов)

Воздух пах озоном и старым маслом. Сто лет назад Даниил Ростов потерял нейрошунт в бою с первым Скребнем — шестёрка титановых зубцов вырвала разъём вместе с куском кости. Теперь он управлял своим панцирем иначе.

Он сидел верхом на «Цефее». Андроид тяжело переступал, поршни выплёвывали конденсат. Ступни Ростова, деформированные гравитацией, были просунуты в тазовые шарниры машины. Он ударил кулаком по грудной клетке: один удар, пауза, два быстрых. Бинарный код. Вперёд.

«Цефей» шагнул в ядовитый туман. Наверху, зацепившись за уступ, сидел летун — местный птеродактиль из полупрозрачных мембран и костей, лёгких как бальса. Он издал ультразвуковой визг. Шлем Ростова покрылся сеткой трещин. Но машина среагировала быстрее — левая клешня метнулась вверх, поймала тварь и раздавила череп механическим сжатием.

— Неплохо, старик, — пробормотал Ростов, похлопывая броню.

Туман сгустился, окрасившись в багровый. Впереди, за изгибом лавового потока, мерцали аварийные огни восточного ствола. Там, в переплетении ржавых ферм, терялся след Ильи. Ростов знал: если техник жив, он будет у ручной лебёдки.

Варлорд наклонился вперёд, отстукал новый ритм. «Цефей» ускорился.

Справа работал «Гефест-П» — гигантский почвоукладчик перемалывал базальт. Чёрный дым пах серой и жжёным сахаром. Это был их единственный шанс расширить посевные площади. Каждый градус жара, выброшенный наружу, привлекал Скребней за десятки километров.

Скребень вышел из тени сталактита. Шесть лап, хитин, работающий как лейденская банка. Ростов привстал в седле, положил руку на пусковую скобу огнемёта. Капсулы с кислотой тихо булькали под бронёй.

— Огонь по центру массы, — прохрипел он.

Струя зелёного пламени поглотила Скребня. Запахло жжёным волосом, песком и озоном.

Внезапно почва ушла из-под ног «Гефеста». Матриарх пробила нижний карстовый слой — пульсирующая гора мяса высотой с пятиэтажный дом. Она не думала. Она выделяла феромонный след абсолютной агрессии, подавляющий волю в радиусе километра. Ростов был одним из немногих, чьи железы вырабатывали контрферомон.

Берсерки бросились вперёд. Кровь, рёв, лязг.

— «Цефей», протокол «Свинец».

Андроид наклонился, упираясь всеми шестью лапами. Из спины выдвинулась рельсовая установка. Стержень из обеднённого урана ушёл в нервный узел под горлом Матриарха. Туша содрогнулась, волна инфразвука прошла сквозь породу.

Матриарх упал, подмяв «Гефест».

Ростов спрыгнул. Ноги отозвались болью. Он подошёл к голове поверженного монстра. Среди пульсирующей плоти рос чёрный кристалл — Сердце Роя. От него веяло холодом абсолютного нуля.

Варлорд вытащил нож. Нужно забрать образец для Торна. Или убить Торна, когда тот попытается внедрить эту дрянь кому-то в мозг. Он ещё не решил.

Из тени рухнувшей платформы выступила фигура в изорванном техкостюме. Илья. Лицо в копоти, глаза — два тёмных провала.

— Север, — хрипло выдохнул Ростов. — Как ты сюда добрался?

— По внешней обшивке, — просипел Илья. — Клапан открыт. Сброс пара пошёл в Разлом. Мы выиграли час. Может, два.

Ростов убрал нож в ножны.

— Час — больше, чем у нас было минуту назад. Держи этот час. Я позабочусь, чтобы он не стал последним.

Над каньоном раздался треск помех — и сквозь него пробился голос Анны:

— Варлорд, ты меня слышишь? Реактор стабилизирован. Температура падает. Мы держим Ядро.

Ростов прижал ладонь к треснувшему стеклу шлема.

— Слышу, Кречетова. Скажи всем: битва не окончена. Но сегодня мы не умрём.

Илья слабо усмехнулся, стряхивая с рукава пепел.

— Сегодня — нет, — прошептал он, глядя на багровое небо. — А завтра... посмотрим.

Глава 2. Анатомия тишины

І. Илья Северов

Илья вывел «Гранита» из ремонтного дока — туда, где обшивка «Медведя» переходила в голую скалу. Последний стык он доделал на автомате, даже не глядя на датчики: красное пятно на карте Анны давно погасло, и можно было выдохнуть. Почти.

Внезапно машина дёрнулась — сработал рефлекторный протокол. Илья вжался в кресло, чувствуя, как компенсаторы гасят удар. Сенсорный блок андроида выдвинулся, сканируя темноту. Никого. Только ветер Разлома и споры, оседающие на броне липкой изморосью.

Он хотел уже вернуться к управлению, но мир поплыл перед глазами. Илья рухнул на спину в тесном кармане шахты — он даже не заметил, как оказался там. Над ним, зажатый между стенками, бился в конвульсиях мутант. Слишком широкий, чтобы пролезть, слишком живучий, чтобы сдохнуть.

Гарпун выстрелил, тросы натянулись, платформа взвыла — и только тогда Илья понял, что он всё ещё управляет «Гранитом», просто мозг отключился на секунду. Он потрянул головой, отгоняя пелену.

Фантомный вкус табака — и тут же пропал. Отец дал ему воздух, чтобы он жил. Значит, надо держаться.

Он выпрямился, проверил давление в магистралях — стабильно. Снаружи, сквозь проломы в куполе, уже не было багрового неба Теи. Там висела серебряная игла «Авангарда», и от неё исходил холодный, математический ужас.

— Северов, — голос Бори прорвался сквозь помехи. — Ты как там? Наверху ад! Капсулы падают, частоты глушат, Ростов уже рвёт врага в клочья!

— Я в порядке, — ответил Илья, хотя руки тряслись. — Что с Ядром?

— Анна держит. Но ей нужен ты — восточный ствол завален, ручная лебёдка заклинила. Если не откроешь шлюз, мы не вытащим трофей.

Илья посмотрел на свои пальцы — они больше не дрожали. Он активировал аварийный сброс скафандра, чувствуя, как магнитные замки с шипением отпускают броню.

— Я иду. Скажи Анне: я буду у клапана через час или когда умру. Пусть держит периметр.

ІІ. Анна Кречетова

Анна стояла у голограммы, глядя, как красное пятно на карте окончательно уходит в зелёную зону. Рой «Муравьёв» под кожей работал на пределе, прогоняя кровь через фильтры. Она выдохнула — впервые за последние часы.

— Сброс подтверждён, — сказала она в интерком. — Магистраль стабильна.

С экрана донёсся хриплый, надтреснутый голос Ильи:

— Клапан открыт. Держите Ядро. Я... я пока тут.

Анна закрыла глаза на секунду. Увидела его лицо — мальчишку с обожжёнными пальцами, который пришёл в бригаду десять лет назад. Тогда она подумала: «Сломается». Он не сломался. Он всегда держался.

— Держи его открытым, Север, — прошептала она. — Мы держим. Слышишь?

Рядом, у консоли, стоял Боря. Его аугментированная челюсть искрила, щека была рассечена — он только что вернулся с верхних палуб, где «Авангард» начал сбрасывать капсулы.

— Госпожа, — хрипло сказал он. — Они жгут восточный ствол. Платформа подбита. Нам нужен ручной привод шлюза.

— Илья уже идёт, — ответила Анна, не оборачиваясь. — Открой канал Берсеркерам. Я скажу им, что делать.

Она переключила частоту на общую связь:

— Говорит Первый Инженер. Объект подавлен. Приказ по эскадрилье: прекратить огонь, собрать раненых. Всю энергию — на гравизахваты. Мы тянем трофей домой. Каждый кабель, каждый чип — наш. Никто ничего не взрывает. Работаем!

Закрыв канал, она посмотрела на своё отражение в тёмном экране — чёрное лицо, белые волосы, красные глаза. Королева пепла.

— Свяжи меня с Ростовым, — бросила она Боре. — Настал срок.

III. Командор Эван Ланской

На мостике «Авангарда» Ланской смотрел на тактическую схему. Зелёные точки группы «Браво» одна за другой гасли — не постепенно, а рывками, словно их выдёргивали из схемы. Он стиснул подлокотники.

— Доклад!

Адъютант застыл над мёртвым планшетом:

— Электромагнитный всплеск. «Комары» ослеплены, синтетики пятого поколения потеряли координацию — они стреляют друг в друга. Живые бойцы... связи нет.

Ланской закрыл глаза. *Отец, сгоревший в челноке на Проксиме.* Колонисты, которые не просили пощады — они просто смотрели, как огонь пожирает кристаллы. И тогда он поклялся: ни один дикарь не останется безнаказанным.

Теперь, глядя на пустые экраны, он чувствовал ту же ледяную ярость, смешанную с тошнотой. Он знал, что его люди умирают. Он знал, что, возможно, сам принял неверное решение. Но остановиться было страшнее, чем идти до конца.

— Передайте группе «Браво-четыре», — сказал он, и голос его дрогнул ровно настолько, чтобы никто не заметил. — Переходим к плану «Бульдозер». Термобарические заряды каждые сто метров. Выжечь катакомбы дотла. Мне нужен самописец.

Доктор Торн, стоящий рядом, побледнел:

— Командор, объёмный взрыв в замкнутом пространстве разорвёт оба корабля. Ваши люди погибнут.

— Мне плевать на твоих синтетиков, Арис, — отрезал Ланской, хотя внутри всё сжалось. — Мне нужен чёрный ящик.

Он перевёл взгляд на голограмму «Медведя» и на миг задумался: *А если бы мы прислали помощь пятьдесят лет назад?* Но прошлое не изменишь. Он сжал инфокристалл так, что пластик хрустнул.

— Рубка связи. Всё остальное — пепел.

Торн шагнул вперёд, нарушая дистанцию:

— Дайте мне десять минут. Я спущусь сам. У меня есть старые коды доступа — я вытащу самописец без взрывов.

Ланской поднял на него пустой взгляд. В нём не было жестокости, только усталость и стальная воля.

— Пять минут. Не больше.

Торн уже застёгивал скафандр, когда на центральном экране вспыхнула аварийная метка — не с «Медведя», а с орбиты.

— Что это? — Ланской впервые потерял невозмутимость.

Техник пробормотал, не поднимая глаз:

— Матриарх... она не умерла. Её биомасса создаёт гравитационный колодец. Мы не удержим орбиту без перерасхода топлива.

Ланской замер. Секунду он смотрел на красную метку, затем — на схему «Медведя», на зелёные точки своих людей, на Торна с его скафандром.

— Отмените «Бульдозер», — выдохнул он. — Переведите всю энергию на маневровые. Уходим на безопасную дистанцию.

Он отпустил инфокристалл — тот упал на панель и покатился по гладкому металлу. *Я проиграл. Но это не конец.*

IV. Даниил Ростов

Ростов сидел на «Цефее» в пещере-убежище, слушая этот бой через динамики. Вокруг висели трофеи: черепа скребней, ржавые жетоны первых колонистов. Он гладил рукоять ножа, в котором ещё недавно было Сердце Роя — чёрный кристалл, тянущий холодом.

— Вождь! — связист высунулся из люка. — Орбитальный «зонтик» перестраивает лучи! Они глушат наши частоты!

Ростов открыл единственный здоровый глаз. Усталость исчезла. Осталась только ярость.

— Общий сбор. Берсеркерам — полная боевая. Закрывать внешние шлюзы секций Д и Е. Кислотные гранаты — к шахтам. Сегодня мы угостим господ землян барбекю.

По колонкам «Медведя», впервые за полтора века, полился тяжёлый индустриальный рок. Басы ударили по рёбрам, будто кто-то стучал кулаком по груди. Металл и ярость.

Ростов шагнул в лифтовую шахту. «Цефей» тяжело переступил следом. На стене у выхода мигал индикатор: давление падало, температура ползла вверх. Но сейчас значение имел только ритм.

Он остановился на краю бездны. Внизу уже слышался лязг затворов, хриплые команды. Берсеркеры ждали повода.

— Пусть приходят, — тихо сказал он, почти не шевеля губами. — Мы их встретим.

Лифт пошёл вниз.

V. Доктор Арис Торн

Лаборатория «Авангарда» была стерильно-белой, холодной, как могила. Торн стоял перед раковиной, смывая с рук розовую пену. Страх ушёл, оставив звенящую пустоту.

Он посмотрел на свои ладони — под тонкой кожей проступали жёлтые пятна лучевой болезни. Сканер давно вынес приговор: он не годен к криосохранению. Ему оставалось лет десять, потом — деменция, распад, тихая смерть в палате для бесполезных учёных.

Я не хочу гнить, как они, — подумал он, глядя на своё отражение. — Как мясо. Я хочу стать чем-то, что не гниёт.

Он шагнул к терминалу, включил канал мостика. Голос звучал ровно:

— Командор, образец уничтожен. Самоликвидация при попытке нейроанализа. Угроза нейтрализована.

На экране возникло лицо Ланского:

— Потеря актива стоимостью в миллионы кредитов — это не нейтрализация, Арис. Это провал.

— Это была защита периметра, — парировал Торн. — Объект эволюционировал быстрее наших протоколов. Но я знаю, куда бить — их нейромодули работают на примитивных реле. Мы ослепим их направленным импульсом.

Ланской наклонил голову:

— Хороший мальчик. Готовь установку. Мне нужен чёрный ящик «Медведя».

Связь оборвалась. Торн посмотрел на своё отражение — там был не человек, а функция.

В сотнях метров под лабораторией Химера открыла глаза. Тысячи глаз одновременно. Через нервную сеть она чувствовала вибрации двигателей как стук собственного сердца.

Они делят кости, — подумала она. Или это подумал Торн? — Варлорды всегда одинаковы. Побеждают дракона, чтобы самим стать драконом. Но мы будем кровью в венах этого дракона.

Она повернула голову к Илье — он полз по вентиляции над бездной. Электрическая Принцесса расправила костяные крылья, впитывая энергию стартующих двигателей далеко наверху.

Глава 3. Архитектура боли

І. Слепая зона (Илья Северов)

Свет налобного фонаря вяз в спорах — фиолетовый туман в вентиляционной шахте сектора Бета был настолько плотным, что казался жидким киселём, забивающим фильтры респиратора. Илья полз, прижимаясь грудью к холодному металлу. Нейрошунт остался в операторской, и мир снова стал плоским, глухим, враждебным — он ненавидел эти моменты больше всего, когда без машины превращался обратно в калеку, вынужденного полагаться на шестерых механических жуков, чтобы просто найти дорогу в темноте.

Рой «Муравьёв» рассыпался веером впереди, транслируя карту рельефа прямо в зрительный нерв через контактный обод шлема. *«Слепое пятно: два метра. Изменение структуры пола. Осторожно, вибрация»* — зелёная строка вспыхнула поверх абсолютной тьмы.

Илья подтянулся на локтях — рёбра заныли, атрофированные мышцы плохо держали вес тяжёлого скафандра без гидравлики. Каждый вдох обжигал горло сухим воздухом рециркуляции. *Фантомный вкус табака* — мираж, накотивший на секунду и пропавший. Илья мотнул головой. Отец не зря сжёг лёгкие — значит, надо держаться.

Клапан номер четырнадцать стонал где-то внизу. Металл устал — сто пятьдесят лет при температурах плавления свинца сделали титан хрупким, как тонкое стекло. Если магистраль лопнет, облако пара под давлением в сорок атмосфер сварит заживо всех Пустых в жилых ярусах. Анна сбросит сектор, не моргнув глазом — просто ради спасения корабля. И тогда Илье конец.

— Северов? — голос Бори прошипел в динамиках. — Кречетова спустила собак. Платформа вышла. Двадцать секунд до твоей позиции. Наводи сам, оптика барахлит.

Илья активировал локальный маяк. Красная точка пикинула на радаре.

— Принял. Только не размажь меня по стене — у меня сегодня другие планы на вечер.

Платформа над ним взвыла сервомоторами. Илья вжался в нишу между воздуховодами — в интерфейсе вспыхнуло: *«Предел усталости сварного шва: 98 %. Риск обрушения»*. Он замер, прислушиваясь к кораблю — к тому глухому, утробному стону, который знали только старые техники. «Медведь» умирал медленно, но сейчас он кричал.

В наушнике снова захрипело:

— Илья, держись! Мы почти... — голос Бори оборвался треском.

Илья протянул руку, нащупывая стык трубы. Пальцы в перчатке скользнули по шероховатому металлу, нащупали микротрещину — тонкую, как волос, но смертельную. Он затянул последний болт, чувствуя, как резьба входит в металл с хрустом.

Платформа зависла над ним, захваты щёлкнули, фиксируясь на рёбрах жёсткости. Боря высунулся из люка, лицо в копоти, глаза расширенные.

— Держи!

Илья схватился за его руку — суставы хрустнули от напряжения. Платформа рванула вверх, вырывая его из темноты. Снизу с грохотом обрушился кусок перекрытия. Труба застонала, металл вспучился, но держался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.